

В.В. АНОХИНА

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПАРАДОКСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Рассматриваются основные достижения и проблемы процесса модернизации современного Китая в контексте перехода от глобальных к региональным приоритетам развития. Особое внимание уделено обоснованию роли культурных традиций в социально-экономической динамике китайского общества и их влиянию на направленность и содержание современных реформ.

The main achievements and problems of modernization in China in the context of transition from global to regional values and priorities are considered in this article. Special attention is paid to the role of classical cultural traditions in socio-economic development of the Chinese society and their influence on the direction and contents of modern reforms in China.

На рубеже тысячелетий обсуждение проблемы глобализации образовало тематическое пространство актуальных научных и общественно-политических дискуссий по по-

воду возможных конфигураций будущего, а также положения различных стран и регионов планеты в архитектонике мирового сообщества. Наряду с объективными социаль-

но-экономическими, политическими, культурно-цивилизационными факторами это положение может определяться системой ценностных приоритетов той стратегии развития, которую принимает конкретная страна, пытаясь интегрироваться в структуру динамично меняющихся глобальных взаимодействий. Предлагаемая вниманию читателей статья является результатом исследования роли культурных традиций в системе ценностных приоритетов современного Китая, интенсивное развитие которого в течение двух последних десятилетий стало объектом пристального внимания не только государственных деятелей, политиков, бизнесменов, журналистов, но также философов и ученых, представляющих различные ветви социально-гуманитарного знания.

Практически до начала XX в. Китай был типичным примером традиционалистского социума с характерным сатуративным типом социальной динамики. Культурная традиция с древних времен играла роль важнейшего механизма интеграции китайского общества и стабилизации проводимых в нем реформ. После падения императорского Китая в 1911 г. последовала череда глубоких политических потрясений и значительных социальных трансформаций китайского общества, когда многое в его традиционной культуре было утрачено или предано забвению. В конце XX в. Китай берет курс на ускоренную модернизацию, ставя перед собой чрезвычайно амбициозные цели выйти в лидеры мировой экономики. Можно ли сегодня говорить о радикальном изменении позиции Китая к собственному культурно-историческому наследию и об отсутствии влияния традиций на современную жизнь китайского общества, содержание тех приоритетов, которые определяют специфику нового курса?

Для того чтобы рельефно представить тот глобальный социальный контекст, в котором осуществляется современная модернизация Китая (1990–2008 гг.), необходимо выделить несколько значимых событий мирового развития и факторов дестабилизации экономической жизни современных государств, изменивших сложившиеся во второй половине XX в. представления о глобализации.

В 1980-е гг. глобализация рассматривалась сквозь призму идеи либерализации транснациональных потоков информации, товаров и капитала. Так, эксперты МВФ

сущность глобализации усматривали в формировании мирового рынка капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, планетарного информационного пространства, единого для большинства стран и регионов мира. В контексте глобализации основные векторы постиндустриальной динамики развитых стран выглядели следующим образом. Прежде всего речь шла о переориентации экономики от производства товаров к развитию «цивилизации услуг», для которой характерен сдвиг от безудержного роста промышленности и вещественно-энергетического потребления к опережающему развитию науки и образования как основы постиндустриальной экономики (Д. Белл, Э. Тоффлер, Й. Масуда, П. Дракер и др.). Последствиями такого сдвига становится доминирование наукоемких и интеллектуально ориентированных отраслей экономики, что существенно трансформирует систему разделения труда и социальную структуру постиндустриального общества. Собственность как традиционный критерий социального неравенства постепенно теряет свое монопольное влияние, решающими факторами становятся знания, умения, уровень и качество образования. Наконец, формирование постиндустриальной цивилизации, осуществляемое на фоне (и во многом благодаря) интенсификации глобальных взаимодействий, сопровождается коренными изменениями в сфере базовых ценностей основных групп населения. Ценности материального благосостояния, делового успеха, экономического рационализма вытесняются постматериальными ценностями общения, гуманизма, толерантности, сохранения окружающей среды и т. д. Другими словами, если индустриальные общества были ориентированы на бурное развитие производства и прогресс технологий, то в постиндустриальной цивилизации основополагающим приоритетом становится качество жизни человека.

В какой мере эти постиндустриальные цели развития разделяются и воплощаются в жизнь современным китайским обществом? Последние два десятилетия ускоренная модернизация Китая осуществляется несколько в ином контексте, чем формирование развитых постиндустриальных экономик Старого света. Китай, пытаясь потеснить Японию, стремится стать новым региональным лидером и делает это не просто в эпоху

глобализации, а на особой стадии данного процесса. Начиная с 1990-х гг. прошлого века она представляет собой период относительно длительного сосуществования двух структурно дополняющих друг друга, «постиндустриального» и «индустриального», миров, которые соответственно представлены, с одной стороны, развитыми странами Запада, с другой – интенсивно развивающимися крупными азиатскими регионами¹. Идея скачка от аграрных обществ к постиндустриализму, минуя издержки промышленной революции, выдвинутая в 1970–1980-е гг. аналитиками знаменитого Римского клуба, весьма прохладно воспринимается сегодня многими странами Восточной Азии*, включая динамично развивающийся Китай, и происходит это по нескольким причинам: во-первых, это Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., который из-за потрясений финансовой и банковской систем Таиланда и Южной Кореи привел к существенному спаду производства и замедлению экономического роста в абсолютном большинстве стран восточноазиатского региона; во-вторых, длительная стагнация Японии, вызванная рецессией японской экономики, затянувшейся с начала 1990-х гг.²; в-третьих, потеря динамики развития первой экономики мира – США, особенно после событий 11 сентября 2001 г., что, учитывая ведущую роль Соединенных Штатов в геополитической конфигурации Азиатско-Тихоокеанского региона, не могло не отразиться на настроении восточноазиатских партнеров. Эти, а также ряд других дестабилизирующих тенденций мирового развития, включая новые геополитические, демографические, экологические угрозы, рельефно обнажившиеся к началу XXI в., посеяли определенный скептицизм относительно безоблачного будущего глобализации, воспринимаемой в русле процессов «интернационализации» мировой экономики, «вестернизации» социально-политических институтов, «американизации» образа жизни. Все активнее начинают писать о «конце глобализации», возникающем вследствие нарастающей рецессии³.

* В состав этого региона (ВА) входят Китай, Япония, КНДР, Республика Корея, Монголия, Тайвань в северо-восточной его части и расположенные в юго-восточной части Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Лаос, Камбоджа и Мьянма (Бирма).

Экономическая депрессия в Восточной Азии и симптомы экономического спада в странах «золотого миллиарда» сопровождались нарастанием противоречий в структуре геополитических интересов основных субъектов глобализации. Темпы либерализации в 1990-е гг. опережали возможности отдельных участников безболезненно приспособиться к резко менявшимся внешним условиям, а выгоды углублявшегося международного разделения труда в полной мере не компенсировали ни потери стран и территорий Восточной Азии от обострявшейся конкуренции, ни социальные издержки либеральных стратегий⁴.

В этих условиях укрепление регионально-государственного сотрудничества становится для восточноазиатских государств стратегическим ответом на вызовы глобализации. Они все более ориентируются на расширение и интенсификацию внутрирегиональных форм торговли, инвестиционной деятельности и валютно-финансового взаимодействия. Основываясь на эффекте соседства, языковой и этнокультурной близости, стратегия регионализма в Восточной Азии сегодня конструируется не столько в пику идеологии глобализма, сколько в целях конкретизации форм развития самой глобализации, в которых можно было бы учитывать локальную социально-экономическую и культурно-историческую специфику данных стран, что в целом соответствует новому прочтению идеи этнокультурного плюрализма.

Именно в этих условиях Китай постепенно начинает оказывать всевозрастающее влияние на мировое хозяйство и позиционирует себя в качестве определяющего фактора развития не только восточноазиатского региона, но и мира в целом. Одновременно с этим китайская политика становится источником внутренних напряжений, проистекающих из геополитических амбиций государства, пытающегося интегрировать региональную экономику вокруг собственных стратегических интересов.

Рассматривая основные достижения современного китайского общества в направлении ускоренной модернизации, стоит отметить следующее. С 2000 г. Китай вступает в новый этап своего взаимодействия с миром, становясь значимым субъектом глобализации. Согласно данным журнала «Эксперт», китайское промышленное производство только за 2006 г. выросло почти на 23 %. По оцен-

ке Центрального разведывательного управления США, уже через пять-шесть лет китайская экономика, растущая невиданно быстрыми темпами, обойдет американскую, поскольку в 2006 г. ВВП Китая, рассчитанный по паритету покупательной способности, составил 10 трлн долл., тогда как ВВП самих США – 13 трлн долл.⁵ Поступательное развитие Китая, начавшееся в начале 1990-х и резко ускорившееся с началом третьего тысячелетия, отмечено рядом неожиданных для экономики Старого света особенностей.

Во-первых, это развитие в значительной степени опирается на относительную независимость Китая от мировой конъюнктуры и государственное регулирование хозяйства как единого системного комплекса⁶. Данное обстоятельство помогло Китаю успешно пережить азиатский финансовый кризис, сохранив стабильный 8 %-й рост ВВП. Кроме того, государство поддерживает выгодный ему курс национальной валюты, устанавливает протекционистские таможенные барьеры, осуществляет широкомасштабное субсидирование перспективных отраслей промышленности. Как отмечает В.Г. Гельбрас, правительство Китая, возглавляя единое высокоцентрализованное государство, может концентрировать всю мощь страны на решающих направлениях, обеспечивая высокие темпы экономического роста⁷. Но главным конкурентным преимуществом Китая единогласно признается дешевая рабочая сила. Согласно статистике, из 6 млрд населения мира на долю основных промышленно развитых стран приходится не более 12 %, в то время как население Китая составляет без малого 1,3 млрд человек, т. е. 21 % населения планеты. Осуществив индустриализацию в 1980-х гг., Китай с середины 1990-х гг. активно включается в конкуренцию на Мировом рынке, в полном объеме используя свой гигантский ресурс рабочей силы, обеспечивая высокие темпы экономического роста.

Во-вторых, путь ускоренной модернизации, вопреки либеральному канону, Китай успешно осуществляет на основе парадоксального сочетания роста самообеспечения и расширения сферы специализации в мировом хозяйстве и на внешних рынках сбыта⁸. Так, с марта 1986 г. в стране на основе возрастающего объема инвестиций развернулась реализация «Программы 863», наце-

ленной на ускоренное развитие науки и высоких технологий⁹. Согласно этой программе, в качестве приоритетных направлений были признаны микроэлектроника и информатика, аэрокосмическая и волоконно-оптическая связь, биотехнологии и геновая инженерия, новые энергосберегающие технологии, производство оборудования для охраны и улучшения окружающей среды, а также медицинской техники. В результате к 1996 г. в Китае уже функционировало свыше 120 технопарков, производящих продукцию на сумму 210 млрд юаней, давшую экспортных поступлений на 4 млрд долл., и 24 млрд юаней в качестве налоговых поступлений в бюджет страны. К этому же времени оборудование китайских предприятий было на 45,5 % обновлено за счет новейшего оборудования китайского производства, что позволило Китаю выйти на беспрецедентный в регионе рост самообеспечения средствами производства¹⁰. Одновременно китайскому экспорту товаров и капитала присущи очень высокие темпы роста, и основная часть инвестируемого капитала посредством приобретения акций последние десять лет вкладывалась в промышленно развитые страны Азиатско-Тихоокеанского региона – США, Канаду и Австралию.

В-третьих, осуществляя беспрецедентную экспансию вовне, Китай опирается на протекционистскую внешнеэкономическую стратегию. Важную роль в его экономических успехах играют протекционистские таможенные тарифы и разнообразные формы государственного субсидирования, которые китайское руководство использует в качестве доминирующих способов защиты промышленного и сельскохозяйственного секторов своей экономики от внешней конкуренции со стороны более продвинутых иностранных компаний¹¹.

Эти особенности свидетельствуют о том, что Китай, выбирая пути и технологии модернизации, стремится избежать многих ловушек, в которые попадали развивающиеся страны, становясь на путь «догоняющего развития». В определенном смысле социодинамика Китая не подтвердила опасений Я. Тинбергена, высказанных им еще в конце 1970-х гг.: «Когда ТНК позволено действовать на основе принципа искусственного стимулирования спроса (а значит, расточительства), они неизбежно стремятся воспроизвести структуру западных обществ с раз-

витой экономикой, используя такой тип технологии, который очень часто не соответствует потребностям стран «третьего мира»¹². Согласно современным исследованиям, Китай вряд ли будет повторять либеральные траектории развития новых индустриальных стран. Отличаясь системностью, внешнеэкономической полноценностью и политической самодостаточностью, Китай, по прогнозам А.И. Салицкого, скорее всего, будет сохранять значительную специфику развития, реализуя наукоемкую экономику и другие атрибуты постиндустриального общества на основе уже сложившейся социальной и информационной структуры, а также имеющейся системы управления¹³.

Вместе с тем современная динамика Китая не свободна от внутренних противоречий, игнорирование которыми чревато разрушительными последствиями. Среди них прежде всего выделяют проблему бедности, связанную с низким уровнем социальных гарантий и заработной платы и наиболее ярко проявляющуюся в разрыве между уровнем жизни городских и сельских жителей. Отчасти данная проблема обусловлена ростом народонаселения и хронической перенаселенностью Китая. Но сегодня решающее значение имеет характер экономической стратегии, базирующейся на основном «конкурентном преимуществе» данного государства – дешевой рабочей силе, благодаря которой возрастает поток прямых иностранных инвестиций, а вслед за ними в страну приходит лучший управленческий и инженерно-технический персонал, что также становится немаловажной составляющей китайского экономического чуда¹⁴.

Широко обсуждаемым в прессе вопросом современного вторжения Китая на мировые рынки является проблема промышленного пиратства и изготовления контрафактной продукции. Особую важность в геополитическом и экологическом смысле обретает проблема ограниченности природно-ресурсной базы Китая. Стране с такими масштабами роста хронически не хватает сырьевых ресурсов, особенно топливно-энергетических. В борьбе за нефть и газ Китай сегодня пытается установить военный контроль над Южно-Китайским морем, на континентальном шельфе которого разведаны обширные ресурсы нефти и природного газа. Это сильно усугубляет японо-китайские отношения и

вносит разлад в процесс регионализации на основе отношений партнерства и структурной взаимодополнительности. Поскольку китайская стратегия модернизации опирается на широкомасштабное развитие промышленности, что отличает это государство от другого демографического гиганта – Индии, то экономический рост Поднебесной будет неизбежно сопровождаться экспоненциальным ростом потребностей в сырье, а вслед за этим – новой экспансией вовне и ростом отходов производства.

Неизбежным последствием модернизационной стратегии Китая является масштабное загрязнение окружающей среды. Упреки в обострении глобальной экологической ситуации развивающиеся страны часто воспринимают как несправедливую критику, связывая ее с желанием сверхдержав установить контроль над развитием новых индустриальных стран. Однако эта критика имеет свои основания. «Если бы в наши дни, – пишет Рассел Хардин, – в Китае и Индии уровень загрязнения окружающей среды на душу населения был бы сравним с уровнем загрязнения окружающей среды на душу населения в США в 1880–1960-е гг., то китайцы и индийцы были бы ответственны за колоссальное загрязнение как внутри страны, так и за пределами своей территории. Не принимая во внимание проблему загрязнения энергоресурсами, можно было бы ожидать, что они достигнут уровня раннего индустриального развития Америки без того уровня загрязнения, которым характеризовалась тогда американская промышленность. И это было бы достигнуто благодаря тому, что с тех пор технологии усовершенствовались и стали более экологически чистыми. Но поскольку совокупный размер населения обеих стран почти в 20 раз превышает численность населения США в период их начального промышленного роста, скорее всего, они не могут ожидать такого же индустриального роста при том же уровне загрязнения окружающей среды: масштабы этого загрязнения в абсолютных показателях будут намного больше, чем в США, особенно если они будут использовать богатые запасы дешевого угля в качестве источника энергии»¹⁵. Поэтому было бы неправильным замалчивать вопрос ответственности развивающихся стран за темпы роста их населения и загрязнения окружающей среды.

История Китая полна трагических событий, связанных с локальными и региональными экологическими катастрофами, антропогенными изменениями климата, а именно: уничтожением лесов, наводнениями, засухами, экстремальными осадками, застоем дождевых вод на полях, эрозией и засолением почв, пыльными бурями, кислотными дождями и т. д. Сегодня, согласно данным китайского эколога Хай Лун Чанга, «всего 8 % земель, расположенных в среднем и нижнем течении семи основных рек, подвержено систематическому затоплению. Однако на этих землях проживает почти 50 % населения Китая. Именно на них создается две трети всего национального объема сельскохозяйственного и промышленного производства. Согласно историческим данным, серьезные наводнения в этих регионах происходили и происходят каждые два года»¹⁶. Поскольку с начала новой эры центр китайской цивилизации располагается в бассейне реки Янцзы, а в наши годы дельта этой Жемчужной реки вмещает в себя наибольшее количество промышленных предприятий на единице площади, то масштабы загрязнения водного бассейна Поднебесной не имеют мировых аналогов. Если к этому присовокупить уровень загрязнения атмосферы в результате сжигания дешевого угля на устаревших ТЭС, проблему утилизации твердых и жидких отходов, безудержное строительство плотин и гидроэлектростанций, создающих предпосылки социально-экологической нестабильности в отдаленной перспективе, то острота экологической ситуации в Поднебесной может рассматриваться как элемент глобальной угрозы¹⁷.

Взвешивая все «за» и «против» современного положения Китая в мировой хозяйственной и политической системе, исследователи единодушно признают сложность и неоднозначность будущего, на конфигурацию которого сегодня непосредственное влияние оказывает эта великая страна. Задаваясь вопросом о роли культурных традиций в столь впечатляющих успехах и не менее впечатляющих проблемах современного китайского общества, нельзя не обратить внимание на определенные исторические аналогии из прошлого китайской цивилизации.

В конце I тыс. до н. э. после вековых потрясений, вызванных длительной стагнацией сельскохозяйственного производства, столк-

нувшегося с дефицитом пахотных площадей, последствиями мощного экологического кризиса и аграрной перенаселенностью; после затяжного периода политической нестабильности, обусловленного бесконечными раздорами и междоусобными войнами, ведущимися древнекитайскими царствами эпохи Чжаньго за плодородные земли; после распада империи Цинь, истощившей силы страны в борьбе за расширение границ, на рубеже тысячелетий расцветает мощная централизованная империя Хань (220 г. до н. э. – 221 г. н. э.), заложившая основы относительно стабильного почти двухтысячелетнего существования Поднебесной¹⁸. Идеологической основой этой империи стала обновленная версия конфуцианства, вобравшего в себя комплекс мировоззренческих идей, конкретизирующих архетипические основания китайской культурной традиции в различных формах философского, морально-этического и политического дискурса.

Среди них следует выделить те, которые, с точки зрения автора, ответственны за культурно-исторические особенности китайского менталитета, а именно: идею Неба как трансцендентного абсолюта, определяющего правила природного, социального и морального порядков в Поднебесной; идею Дао – безличного первоначала, пути, на котором гармонизируются естественные ритмы космоса с историческими циклами, социальными и антропоприродными ритмами человеческой жизни; идею перемен, согласно которой решающее значение для понимания вселенной имеют не ее субстанциальные основы (материя или дух), а способ внутренней организации, определяющий ритмичность и последовательность перемен; культ предков и уважение к старшим, благодаря которому в китайском менталитете укоренились почитание родителей и абсолютный пиетет по отношению к старшим, правителю и самой Поднебесной с установленным в ней моральным и социально-политическим порядком.

Конкретизацией этих идей стала принятая в эпоху Хань цивилизационная стратегия, основу которой составляла концепция единого Китая – идеологическое воплощение синтеза доминирующих направлений философской мысли того времени (конфуцианства, даосизма, легизма). Ее рациональным обоснованием было разработанное древне-

китайскими мыслителями представление о принципах социально-космической гармонии. Согласно этим представлениям, совершенство мирских порядков зависело от характера человеческих поступков и помыслов, от правильной организации общества, от морального облика правителя и применяемых им методов управления государством.

Мантические схемы «Книги перемен» численно и геометрически задавали модель мира «ткацко-землеустроительного» типа. Поэтому в структуре Поднебесной выделяли восемь взаимосвязанных осей – три вертикальные «небесные» (Небо, Земля, Человек) и пять горизонтальных «земных» (земля, дерево, металл, огонь, вода)¹⁹. В трактате «Чжу Вэнь-гун вэньцзи» («Собрание сочинений Чжу, носившего титул Вэнь-гун»), гл. 70, Чжу Си говорит: «Во Вселенной существует только один высший принцип, обретя который небо стало небом, обретя его, земля стала землей, а все, живущее на земле под Небом, обретает его и получает свою природу. Распространение высшего принципа привело к возникновению трех устоев (власти государя над народом, отца над сыном, мужа над женой) и к возникновению пяти неизблемых принципов в отношениях между людьми. Высший принцип распространен во всем и присутствует всюду...»²⁰

Строение и функционирование государства понимались по аналогии с устройством человеческого тела. Сердцем являлись территории Срединного царства и резиденция императора. Китайские провинции, обеспечивающие страну продовольствием, принимались за внутренние органы, а иноземные «варварские» царства, расположенные вокруг и втянутые в китайскую политику, – за его конечности. Любые деструктивные явления в общественной жизни расценивались как болезнь. Приоритет в лечении организма отдавался внутренним органам. Именно на их нормальное функционирование с точки зрения китайской медицины требовалось обратить особое внимание. «Нравы – пульс государства, урожай – его мускулы. (Но если) мускулы развиты, а пульс бьется неровно, полного успокоения нет»²¹. Поэтому в качестве важнейшего условия гармонизации общественной жизни рассматривалось наведение порядка в основном производственном процессе. По канонам китайской медицины лечится не отдельный орган, а орга-

низм в целом, поэтому совершенствование системы земледелия должно было сопровождаться наведением порядка в сфере морали, а преодоление кризиса предполагало гармонизацию всех институтов и отношений в обществе.

В этой стратегии развития значимость социальных норм и установлений обосновывалась идеей изоморфизма структурных уровней мироздания. Правила социальной организации должны были воспроизводить моральные отношения в семье, а они, в свою очередь, соответствовать небесным установлениям. Принцип соответствия небесного и земного порядков описывался при помощи категорий «и» («подобное», «правильное», «соответствующее», «долг», «справедливость») и «ли» (ритуал, этикет, моральное правило). В них воплощалась центральная идея конфуцианства – создание универсальной, всеобщей системы нормативной регуляции общественной жизни.

Немаловажную роль играла теория государственного управления, на которую опирались все китайские императоры и которая получила название «высшая стратегия» («цзинцзи»), что означало «управлять миром, вспомоществовать народу»²². Идеологическим стержнем данной теории был принцип целостности и гармонии «чжэнхэ» («политическая гармония»). Стратегические линии управления должны были связывать в тугой узел экономику, право, администрацию, военное строительство, земледелие и другие общественные подсистемы. Патриарх даосизма Лао-цзы говорил о политике «тридцати спиц, сходящихся к одной ступице»²³. Согласно числовой символике «Книги перемен», число тридцать записывается древним иероглифом «три десятки». Этим же иероглифом записывается термин «ши» («земной мир»).

Управление государством трактовалось как особое, высшее искусство, обладание которым предполагало владение методом «цзими» и принципом «у вэй». Применительно к стратегии управления идеологема «недеяния» означала паутину незримых, «призрачных» методов и форм правления. Как отмечал апологет легизма Хань Фэй, «власть прячется в груди, чтобы быть готовой к различным событиям и незаметно управлять своими слугами»²⁴. Таким образом, политическое искусство «цзинцзи» как

реализация политической гармонии «чжэн-хэ» есть управление миром (символ «три десятки»), осуществляемое методами незаметной интегративной стратегии.

Император являлся центральной фигурой Поднебесной, медиатором, способным привести в единство природный и космический миры. Основанием его могущества считалось наличие мистической силы «дэ». Она означала способность государя гармонично устроить общественную жизнь, содействовать правильному функционированию природного мира, вплоть до обеспечения нормального движения небесных светил, благоприятных ветров и дождей, щедрых урожаев. Обилие этой силы у правителя вызывает добрые знамения, ее недостаток – социальные и природные бедствия.

Содержание данной стратегии подразумевало переход от стихийного земледелия к организованному в масштабе государства регулированию аграрного производства. Столкнувшись в середине I тыс. до н. э. с мощным экологическим кризисом, китайская цивилизация встала перед дилеммой: либо последовательная деградация, либо компенсация потерь природных ресурсов за счет перехода к интенсивному развитию сельскохозяйственного производства. После длительных дискуссий была выработана такая модель преодоления кризиса, которая позволяла достичь гомеостаза за счет доминирования консервативной и самодостаточной технологии выращивания заливного риса.

В связи с этим центр китайской цивилизации с территории Среднекитайской равнины постепенно переместился на юг в долину реки Янцзы, а экономика Китая была ориентирована на консервацию производства и отказ от развития товарного хозяйства, роста производительности и специализации труда, территориального и структурного расширения внутреннего и внешнего рынков.

В соответствии с концепцией единого Китая был создан деспотически-централизованный государственный аппарат, ориентированный на социальную стабильность и гомеостаз. Важно отметить, что устойчивость аграрного производства обеспечивалась в императорском Китае не экономическими, а политическими средствами, прежде всего за счет централизованной и жесткой регуляции аграрной экономики. Для этого была создана мощная бюрократическая машина, осуществ-

лявшая контроль над функционированием всех звеньев хозяйственной системы, обладающая монополией на распределение общественных богатств, на производство орудий и инструментов, на управление средствами коммуникаций, регулирование и ограничение торговли. Такая ситуация периодически создавала острый дефицит в обеспечении населения продовольствием, делая актуальной необходимость уравнительного перераспределения важнейших экономических ресурсов.

Время относительной социально-экологической стабильности, достигнутой китайским обществом на внушительный период времени (два тысячелетия), нельзя однозначно определить как время развития, деградации или застоя. Все эти тенденции имели место, но ни одна из них, даже в периоды своего наивысшего проявления, не приобретала необратимый характер. За периодами стагнации и упадка вновь следовал экономический и культурный подъем на новом витке китайской истории.

Обобщая социокультурные приоритеты традиционалистского развития Китая, можно сказать, что древний вариант стабилизационной стратегии предполагал: приоритет общего над частным; доминирование централизованных методов руководства, возможность тотального вмешательства государства во все сферы жизни древнекитайского общества; ориентацию на взаимодополнительность всех социальных институтов, гармонию общественных интересов в соответствии с принципами уравнительности и ограничения потребностей, приведение политических сил к равновесию и канализацию возникающих конфликтов на периферию социума.

Сегодня китайская цивилизация ориентирована на инновационный тип развития. Она отказалась от стратегии консервации производства и стабилизации общественных отношений за счет радикальных ограничений качества жизни. Вместе с тем развитие китайского общества не свободно от глубоких противоречий, чреватых разрушительными последствиями. Каким же образом стратегия экономического роста, реализуемая сегодня в Китае, связана с культурно-историческими особенностями данной страны?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо кратко рассмотреть связь между

механизмами экономического роста, его политическими следствиями и характером социокультурных предпочтений народа, сформированных под воздействием традиции.

Поскольку важнейшим механизмом экономического роста является увеличение объема инвестиций, в результате которых возрастает вовлечение в производство других ресурсов – земли и труда, то задачи экономического роста требуют отвлечения ресурсов от текущего потребления и превращения их в инвестиции. Действительно, провозглашенная бывшим Председателем КНР Цзян Цзэмином в Пекине весной 2000 г. на III сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) девятого созыва стратегия глобального внешнеэкономического наступления Китая, получившая известность под девизом «Идти вовне», подчинена цели превратить КНР к 2020–2030 гг. в самую экономически мощную державу мира²⁵. Основными приоритетами этой стратегии являются: увеличение потока инвестиций в китайскую экономику за счет прямых капиталовложений со стороны богатой китайской диаспоры за рубежом КНР («хуацяо»), а также за счет создания благоприятного инвестиционного климата для привлечения прямых иностранных инвестиций посредством либерализации торговли; быстрое обновление технопарка страны; экспортная ориентация экономики как генеральное направление ее развития; формирование глобальной многосторонней торговой системы за счет создания международных сетей сбыта китайских товаров; использование двух рынков и двух источников сырья – внутреннего и зарубежных; формирование китайских ТНК с широкой и разнообразной международной специализацией труда.

Экспансия вовне всегда рассматривалась в Китае как предпочтительный путь решения внутренних проблем. В древности это осуществлялось посредством экстенсивного земледелия, завоевания и культурной ассимиляции соседних государств, в точном соответствии с эгоцентрической моделью китайской ойкумены. Движение энергии от центра к периферии, расширение сферы влияния – традиционная установка китайской культуры, в целом отвечающая геополитическим амбициям континентальных цивилизаций, которые имеют реальную возможность увеличения территорий.

В условиях индустриализации отвлечение ресурсов от нужд потребления на нужды развития предполагает сохранение низких уровней дохода для основной массы населения, чтобы обеспечить потребление на уровне минимальных насущных потребностей. Китайская стратегия развития основывается на тезисе «великого возрождения нации Китая», согласно которому задача достижения среднемирового уровня благосостояния китайского народа в 2050 г., поставленная Дэн Сяопином еще в 1988 г., трансформировалась в задачу завоевания первого места в мировой экономике.

Если обратиться к культурно-мировоззренческим истокам подобных приоритетов, то станет очевидным, что отсутствие индивидуалистических ориентаций в традиционной китайской культуре, безусловный примат целого над частью, государства над индивидом, а также другие ценностные установки китайской традиции не способствуют формированию в национальном менталитете принципа уважения личности, ее прав и свобод. Более того, древняя даосская традиция, тесно переплетавшаяся в истории китайской культуры с буддизмом, вообще полагает личностное начало в человеке источником всех бед и заблуждений, препятствующих естественному ритму космического Дао. Поэтому в китайской ментальности нет установки на признание блага человека, неотчуждаемости его прав на жизнь, свободу и социальное благополучие решающим критерием оценки общества и всех его социальных институтов. Подобная система ценностей, являющаяся безусловным достоянием европейской цивилизации, не может служить адекватным мерилom оценки китайского понимания качества жизни.

С одной стороны, подобные ценностные установки во многом ответственны за социальные и экологические издержки внешнеэкономической экспансии Китая, но, с другой стороны, дают китайскому социуму определенное преимущество в условиях жесткого перехода к новым формам экономической жизни. Суть его заключается в особой дисциплинированности китайцев, их способности относительно спокойно переносить тяготы существования и бремя тяжелого труда в надежде прославить Поднебесную и обеспечить ее процветание. Условия, в которых западная система мышления неизбежно

сталкивается с конфликтом предпочтений, в китайском обществе могут восприниматься как неизбежность, которую следует принимать как должное.

Эта проблема не так проста, ее подводным камнем является высокая вероятность срыва или существенного торможения модернизации под давлением широких масс населения, которые, возмущаясь несправедливым перераспределением доходов в пользу экономических элит, что неизбежно в условиях наращивания капиталовложений, могут требовать выравнивания уровней потребления и остановки реформ. Такой сценарий неоднократно проигрывался в развивающихся странах, странах с переходной экономикой во второй половине XX в., где низкая доходность хозяйства сочеталась с культурно-психологической неготовностью основной массы людей переносить тяготы реформ и тратить колоссальные личные усилия на улучшение собственного положения. Именно поэтому конец прошлого столетия ознаменован ростом количества диктаторских и авторитарных политических режимов. В этом смысле М. Вебер был, безусловно, прав, связав развитие капитализма в Европе с максимумами протестантской этики. Китай же, помимо объективных факторов, поддерживающих экономический рост (высокий уровень безработицы, сдерживание роста заработной платы, фиксированный курс юаня, руководящие позиции государства в экономике и централизация управления, запрет профсоюзов), имеет возможность опираться на мощный культурный ствол конфуцианской этики с ее ценностями коллективизма, трудолюбия, скромности, способности жертвовать собой во имя интересов нации.

В соответствии с внутренними установками культурной традиции, возраст которой превышает две тысячи лет, данная проблема по-прежнему рассматривается в китайском сознании сквозь призму идеи Великого Китая. Так, 7-й съезд Всемирного форума китайских предпринимателей в 2003 г. (китайский Давос) даже проходил под лозунгом «Единодушие необъятного мира китайских предпринимателей, общее процветание предприятий всего мира»²⁶.

Намеченный сегодня вектор регионализации в глобальной политике Китая дает определенные надежды на возможное урегулирование многих внутренних и внешних

проблем развития китайского государства. Если следовать логике известного американского политолога Рассела Хардина, то в рамках больших, наднациональных организаций проще достигать консенсуса относительно таких вопросов, как защита окружающей среды и энергопотребление, поскольку каждая страна-участница будет рассматривать собственные проблемы не как часть только своей политической деятельности, а как общую проблему регионального объединения. Это дает возможность минимизировать конфликт интересов при обсуждении вопроса о доле экологической ответственности каждого государства, объеме их расходов на уменьшение выбросов в объективной ситуации неравномерного социально-экономического развития стран²⁷.

Таким образом, учитывая основные приоритеты постиндустриализма, Китай в условиях глобализации стремится определить собственные векторы социальной динамики, опираясь не только на объективные социально-экономические предпосылки модернизации, но также на специфически китайское прочтение постиндустриальной системы ценностей, основанное на избирательно-селективном механизме культурной традиции, по-прежнему определяющей важнейшие особенности национального менталитета.

¹ См.: Володин А. Г. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002. С. 160–170.

² См.: Япония сегодня. 2003. № 2. С. 7; Okazaki X. A national strategy for the twenty-first century // Japan Echo: An interactive Journal of Informed Opinion. October 1999. Vol. 26. № 5 [Elektronic resource]. Mode of access: <http://www.japanecho.co.jp/sum/1999/b2605.html>. Data of access: 04.10.2008; Shiraishi T. Asia's regional order: A two-century perspective // Japan Echo: An interactive Journal of Informed Opinion. June 2000. Vol. 27. № 3 [Elektronic resource]. Mode of access: <http://japanecho.co.jp/sum/2000/b2703.html>. Data of access: 04.10.2008.

³ См.: James H. The end of globalization: lessons from the great depression. Cambridge, 2001; External liberalization, economic performance and social policy / Ed. by Lance Taylor. New York, 2001.

⁴ Подробнее см.: Салицкий А. И. Экономическая политика Китая в Восточной Азии // Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом. М., 2004. С. 137.

⁵ См.: Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / Пер. с англ. и науч. ред. А. В. Козуляева. М., 2007.

⁶ Подробнее см.: Салицкий А. И. Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., 2001. С. 18–45; Он же. Экономическая политика Китая в Восточной Азии // Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом. М., 2004. С. 137–154.

⁷ См.: Гельбрас В.Г. Внешнеэкономическая стратегия Китая // Там же. С. 30.

⁸ См.: Potapov M., Salitsky A. China in the WTO: what will Russia do? // Far Eastern Affairs. 2002. № 4. P. 75.

⁹ Подробнее см.: Салицкий А.И. Китайская экономика как субъект глобализации // Постиндустриальный мир и Россия: Сб. ст. М., 2000. С. 379–381.

¹⁰ См.: Наумов И.Н. Природные ресурсы экономического развития КНР в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4. С. 101.

¹¹ Наварро П. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / Пер. с англ. и науч. ред. А.В. Козуляева. М., 2007. С. 39; Салицкий А.И. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 15–19.

¹² Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980. С. 360.

¹³ См.: Салицкий А.И. Указ. соч. С. 386.

¹⁴ См.: Наварро П. Указ. соч. С. 34.

¹⁵ Хардин Р. Демократия и ущерб от коллективных действий // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М., 2006. С. 440.

¹⁶ Zhang Hai-Lun. China Flood Management // WMO/GWP Associated Programmed on Flood Management / World Meteorological Organization and the Global Water Partnership [Elektronic resource]. Mode of access: http://www.apfm.info/pdf/case_studies/syn_china.pdf. Data of access: 27.11.2008.

¹⁷ Подробнее см.: Наварро П. Указ. соч. С. 72–240.

¹⁸ Подробнее см.: Анохина В.В. Культурные традиции в социально-экологической динамике древнего Китая // Экологические проекции социальной динамики и культурные традиции. Мн., 2003. С. 49–104.

¹⁹ См.: Кобзев А.И. Пять элементов и «магические» фигуры «И цзина» // Общество и государство в Китае: Тез. докл. XII науч. конф.: В 3 ч. М., 1981. Ч. 1. С. 83–85; Он же. Современный этап в изучении и интерпретации неоконфуцианства // Народы Азии и Африки. 1983. № 6. С. 85.

²⁰ История китайской философии / Пер. с кит. В.С. Таскина. М., 1989. С. 333.

²¹ Древнекитайская философия. Эпоха Хань: Антология / Сост. Ян Хиншун. М., 1990. С. 367.

²² Лапина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985. С. 60.

²³ Дао дэ цзин // Древнекитайская философия. Собрание текстов: В 2 т. / Сост. Ян Хиншун. М., 1972. Т. 1. С. 118.

²⁴ История китайской философии / Пер. с кит. В.С. Таскина; Общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М., 1989. С. 165.

²⁵ См.: Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 19–38.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ См.: Хардин Р. Указ. соч. С. 437–442.

Поступила в редакцию 15.12.08.

Виктория Валентиновна Анохина – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки.